

Кыргызский детектив

Нази Дагас

Отравленная
ЖИЗНЬ

Нази Дагас

Отравленная жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70080988

SelfPub; 2023

Аннотация

Канькей в доме мужа живется очень несладко. Муж давно перестал видеть в ней женщину, а его родня относится как к прислуге. В один из дней ее однообразные будни взрываются рядом смертей, которые переворачивают жизнь и вынуждают бежать из дома. Пытаясь во всем разобраться, она случайно раскрывает неприглядный семейный секрет, который, возможно, и стал спусковым крючком для всех этих страшных событий.

Содержание

Глава 1. День сурка	5
Глава 2. Точка невозврата	28
Глава 3. Жертва обстоятельств	52
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Нази Дагас

Отравленная жизнь

Памяти моего отца Дагазиева Люшура, который искренне верил, что однажды я стану известным писателем, но так и не успел прочесть мою первую книгу...

Глава 1. День сурка

Последние шесть лет утро Каныкей начиналось одинаково: она вскакивала с постели за час-полтора до пробуждения мужа, собирала длинные черные волосы в тугий узел на затылке, повязывала голову платком и только потом выходила из спальни. Свекровь следила за этим строго: келин¹ не должна разгуливать по дому с непокрытой головой – это неуважение к старшим! И хотя во многих кыргызских семьях новоиспеченным невесткам разрешалось снимать платок спустя сорок дней после свадьбы, ее кайнене² придерживалась иного мнения. Она свято чтит традиции и яростно осуждала тех, кто пытался адаптировать их под современные реалии. Платок в ее глазах был символом замужества, олицетворением супружеской верности, знаком глубокого уважения к старшим. Ослушаться ее Каныкей не смела – супруг боготворил мать и требовал от жены беспрекословного ей подчинения.

Сегодня женщина по обыкновению проснулась рано. На часах было 6:00, но за окном еще стояла глухая январская ночь – морозная, стывшая, не спешившая уступать очередь мягкому зимнему рассвету. А зимой он был непередаваемо,

¹ Келин – сноха, невестка (кырг.)

² Кайнене – свекровь (кырг.)

завораживающе прекрасен.

С каждой минутой красочное небо, эффектно контрастирующее с белым одеянием земли, переходит от сумрачного индиго к более теплым оттенкам розового и оранжевого, анонсируя скорый восход солнца. Снег, покрывающий величественные вершины Тянь-Шаня, встречает первые солнечные лучи, играя всеми оттенками белого и голубого, отражая и преломляя свет, словно драгоценные камни. От небесного великолепия сияет серебром покрывающий землю хрустящий снег, хочется молчать и запоминать каждый миг этого скоротечного явления, чтобы весь день потом вынимать фрагменты из дальних уголков памяти и раскрашивать ими серые будни.

Рассветом Каныкей каждый раз любовалась будто впервые. В такие моменты в ней пробуждались особые чувства, словно она стояла на пороге какой-то тайны, словно природа щедро делилась известным только ей секретом счастья и грядущего чуда, от чего сердце женщины наполнялось радостью, чистой и необъяснимой. Радостью, которой так не хватало в ее семейной жизни.

А потом Каныкей бежала на кухню – готовить завтрак для мужа. Делала она это каждый день на протяжении шести лет. В любом состоянии – с неважным самочувствием, температурой, невыспавшаяся. И даже на следующий же день после выписки с роддома. И даже после бессонной ночи с заболевшим ребенком. Причем даже если еда была в холодильнике,

Айдар принципиально не подогревал ее сам, считая, что на то и существуют жены. Основоположницей традиции была его мать, которая всю свою жизнь вставала раньше мужа и сыновей, чтобы успеть собрать на стол к их пробуждению. Теперь эта обязанность перешла к невестке.

Первым делом Каныкей прибиралась на кухне – свекровь любила пить чай по ночам под поздние телепрограммы и никогда не убирала за собой. Стол был щедро усыпан подсохшими хлебными крошками, уставлен вазочками с сахаром, вареньем, конфетами, заставлен пиалами с остатками чая и молока. Затем принималась за приготовление завтрака, накрывала на стол, варила кофе и бежала будить мужа. Будить его нужно было в строго определенное время, попробуй упустить момент, и скандала не избежать. Опаздывая на работу, муж будет злиться, кричать, разбрасывать вещи, а она потом весь день будет чувствовать себя виноватой.

Сегодня она разбудила его вовремя. Айдар проснулся в приподнятом настроении, нежно поцеловал ее, что случилось в последние месяцы очень редко и даже попросил присесть и выпить с ним чаю, и это было уж совсем необычно с его стороны. Каныкей вспомнила, как в первые годы супружества они каждое утро просыпались раньше всех, чтобы выпить чаю или кофе вдвоем, пошептаться и обсудить все на свете, но потом эта милая традиция постепенно сошла на нет, затерявшись в чередке нескончаемой рутины и быта. Муж стал завтракать в одиночестве, уткнувшись в неизмен-

ный телефон, а она накрыв на стол, занималась подготовкой его вещей.

«Неужели у нас все наладится? – радостно думала Каныкей, наливая себе свежезаваренный чай в большую белую кружку.

– И мы снова будем разговаривать, обниматься, смеяться... Холод уйдет из его глаз и он снова будет видеть во мне женщину, а не прислугу».

Она присела на стул рядом с мужем, взяла из вазочки шоколадную конфету и приготовилась к приятной беседе. Сначала она расспросит мужа о делах на его работе, затем они поболтают о дочери и возможно, даже успеют поговорить об их отношениях. Ей важно чувствовать, что он все еще любит ее как прежде...

Но муж не оправдал ее робких надежд. Получив сообщение, он уткнулся в телефон, разом позабыв о жене. Следующие 10 минут он яростно с кем-то переписывался, сердито клацая по клавиатуре и сопровождая виртуальный разговор гневными восклицаниями, а затем позвонил и стал зло отчитывать собеседника.

Каныкей мигом сдуло с кухни. Наученная горьким опытом, она старалась держаться подальше от мужа в такие моменты. Не важно, на кого он злился – подчиненные, братишка, друзья, мать – доставалось всегда ей, его супруге. Он мог придраться к чему угодно: не так посмотрела, не так приготовила, не то сказала, иногда это могла быть совершенно аб-

сурдная причина для семейной ссоры, однако после нее молодая женщина неделю ходила с плотным слоем тонального крема на лице и крепко поселившимся в душе ощущением липкого страха.

Стараясь двигаться быстро и бесшумно, Каныкей погладила рубашку мужа, почистила его ботинки, подготовила пальто и вынесла в прихожую его рабочий портфель. А потом со смешанным чувством облегчения и легкого трепета смотрела ему вслед из окна. Как он, статный, высокий, элегантно одетый, направляется к своему автомобилю.

Она любила его и боялась одновременно. Ее подруга Бермет назвала это «стокгольмским синдромом». А после вопроса, что это значит, терпеливо разъяснила:

– Это нездоровая привязанность жертвы к своему мучителю. Такое, знаешь, искаженное проявление инстинкта самосохранения: жертва на бессознательном уровне считает, что симпатия к агрессору снижает риск быть убитой. В вашем случае тебе неоткуда ждать помощи, поддержки и поэтому кажется, что твоя жизнь зависит от Айдара. Он сначала срывается на тебя, а потом искренне просит прощения и вроде как раскаивается, так?

– Да, – помолчав, согласилась Каныкей, – вначале он чуть ли не в ногах валялся после побоев, приходил с цветами, водил в кино, в кафе, но в последние разы просто чмокнет в щечку, пробурчит «извини за вчерашнее» и... мы миримся.

– Ну вот! Вначале он преподносил тебе так называемую

«конфету»: падал в ноги, заливал про чувства, извинялся за вспыльчивый характер и тем самым сажал тебя на психологический крючок. И ты в последующем, помня про эти редкие теплые моменты, начинала невольно сочувствовать ему, мол, он на самом деле то хороший, это я плохая, я ведь сама его довожу!

– Но и это вправду так: я сама его часто довожу. Я не такая жена, о которой он мечтал, я медлительная, местных обычаев не знаю, много чего не умею, часто делаю все не так. К тому же, сирота и бесприданница... И потом.. люблю я его сильно, Бема. Не представляю своей жизни без него. Поэтому и прощаю все.

– М–да... Стокгольмский синдром во всей красе: он ее бьет, за человека не считает, а она – «люблю, не могу, я сама виновата». Не обижайся, но ты тряпка, подруга! Запомни: какой бы паршивой хозяйкой ты ни была, это не дает ему права избивать тебя! Он может спокойно указать на твои недостатки, может поругать тебя, но не бить, алло! Неужели ты не понимаешь, что он просто садист и ему доставляет удовольствие издеваться над тобой? Защитить-то тебя некому!

– Ну допустим так, – начала злиться Каныкей, – и что ты предлагаешь? Что мне с этим делать? Чужую беду руками разведу, знаешь ли...

– Для начала можно попробовать найти работу. Удаленную, через интернет. Затем подкопить тайком денег, снять недорогое жилье или комнату и съехать вместе с дочкой от

этой семейки Аддамс! Либо можете пожить у меня первое время.

– Как же просто это звучит! – горько усмехнулась Каныкей. – Но правда в том, что Айдар так просто меня не отпустит. Он так и сказал мне недавно: куда ты денешься, сирота детдомовская, хочешь уходи, но уйдешь одна, дочка со мной останется! Дядя у него влиятельный, они Айгерим у меня легко отберут и запретят с ней видеться, а кайнене воспитает ее в ненависти ко мне. Будет лить ей в уши, что я сама отказалась от нее, что бросила!

– Ничего, пусть только попробуют – мы всю общественность на ноги поставим! – начала горячиться Бермет. – Разместим в Instagram твою историю, обратимся к организациям, защищающим права женщин, к президенту, к Ассоль Молдокматовой, наконец! На мужа твоего заявление напишем за систематические побои! И добьемся правосудия!

– Нет, заявление писать я точно не стану, – перебила ее Каныкей, – а вдруг посадят его... Как я потом жить с этим буду? Как дочери в глаза смотреть?

– И что, так и будешь терпеть? – разозлилась Бермет. – Для мужа грушей служишь, для кайнжурт³ – рабыня настоящая, денег он тебе не дает, с подружками видеться запрещает, ты когда в последний раз в салоне была, а? Не надоело тоналкой фингалы закрашивать? А если он убьет тебя в один прекрасный день? Мама в могиле, папа в тюрьме... Дура ты,

³ Кайнжурт – родственники со стороны мужа (кырг.)

о дочке подумай – каково ей будет! Вырастет такой же сиротой, как и ты!

– Бема, не делай из Айдара какого-то зверя, пожалуйста! Не так уж все и плохо у нас, почти во всех семьях похожая ситуация – менталитет такой, что поделаться! Ну бьет он меня иногда и в основном, за дело, не сильно бьет, можно и потерпеть ради дочери. Да и дела у него сейчас идут не очень, ответственная должность, работа нервная, сложная, он всю семью на себе тянет, трудится с утра до ночи, потому и срывается! Наладится скоро все у нас, я же чувствую, что он меня любит... Скоро пойдем за вторым и он изменится, вот увидишь! И что такого смешного я сказала?

Бермет не ответила, а все продолжала истерично хохотать, затем поднялась со скамейки, где они сидели с подругой и ушла, насмешливо помахав рукой.

Бермет была ее единственной подругой. Когда Канькей уволилась с работы по требованию мужа – он жутко ее ревновал – все коллеги, с которыми она приятельствовала, постепенно исчезли из жизни. Осталась только Бема, с которой они часто болтали по телефону и иногда виделись. На заре их дружбы Бермет нет-нет да и заходила на чай к подруге, но Айдар вскоре посоветовал жене ограничить общение с этой «распущенной разведенкой», поэтому подружки стали встречаться тайком от него.

Канькей не могла вспомнить, когда начала бояться мужа. Не могла выцепить из памяти тот момент, когда в душе

наряду с лучезарным чувством любви и обожания поселился затаенный страх. Сначала это были крохотные семена сомнения, но затем из них произросло нечто большее, парализующее волю и отравляющее чувства. Но страх не захватил ее всецело, не затопил в ней любовь, это было некое фоновое чувство тревоги, которое то утихало, то просыпалось с неукротимой силой и постепенно, миллиметр за миллиметром, отнимало душевный покой.

Айдар всегда отличался крутым нравом. Именно это и привлекло ее в нем. Каныкей восхищала его грубость, жесткость и умение вызывать к себе уважение и страх. До тех пор, пока он не обратил все эти качества против нее и не обрушил на жену всю силу своего непростого характера.

С каждым годом в нем проявлялись новые, все более устрашающие черты. Один раз она стала свидетелем того, как он в гневе набросился на пьяного мужчину, выпрашивающего мелочь на водку, повалил его на землю и бил крепким кулаком до тех пор, пока его не оттащили случайные прохожие. В другой раз он выбросил за ворота крохотного котенка, которого принесла ей Бермет. Было это в студеной зимний день, когда крупными хлопьями сыпал снег и пронзительно завывала сердитая вьюга. Котенка ждала верная смерть, но Каныкей позвонила подруге и слезно попросила забрать его себе. В итоге, совместными усилиями котик был спасен. Женщина понимала, что дело было не котенке, а в том, что она приняла это решение сама, не спросив разрешения у му-

жа, словно проигнорировав его главенство в их семье. Поэтому винила в этой ситуации только себя.

Третий случай произошел на втором году их совместной жизни, когда он отвесил звонкую пощечину официантке за то, что та долго несла их заказ и вместо того, чтобы извиниться, в довольно резкой форме заявила, что это не ее вина. Каныкей до сих пор помнила, каким жестким вмиг стало лицо Айдара, словно невидимый кто-то быстро сменил кнопкой на пульте смеющуюся маску человека на обличье дикого зверя. Глаза зверя налились кровью, он стремительно вскочил и занес руку над лицом перепуганной девушки.

С такой же молниеносной сменой масок Каныкей столкнулась дома, когда попыталась пристыдить мужа за неблагодарный поступок. И это было серьезной ошибкой с ее стороны. Пожалуй, самой серьезной за все время их супружества. Из расслабленного и добродушного мужчины вновь выглянул жестокий зверь. Досталось ей тогда знатно и она раз и навсегда уяснила для себя истину: муж всегда прав и не стоит ему перечить.

Со временем Каныкей приспособилась и научилась предугадывать и сглаживать конфликты. Она беспрекословно подчинялась мужу и всем членам его семьи, молча сносила их оскорбления, упреки, критику и никогда никому не жаловалась. Она старалась быть хорошей женой, келин, хозяйкой, мамой, старалась ухаживать за собой, всегда встречала Айдара с работы в чистом платье, с улыбкой и искрен-

не не понимала, почему никак не может угодить мужу и его родне. Она жила с постоянным чувством вины и страха, вечные упреки мужа и свекрови прорастили в ней кучу комплексов и постепенно из жизнерадостной, задорной девушки она превратилась в тихую, забитую женщину с потухшим взглядом.

Сухой кашель из комнаты свекрови выдернул ее из горьких воспоминаний. Она прошла на кухню, поставила на плиту остывший чайник и подняла жалюзи. За окном, изрисованным талантливой рукой ночных морозов, занималось стылое зимнее утро. Снег Каныкей любила, а вот холода и морозы вызывали у нее тоску.

«Как в случае с Айдаром, – некстати подумалось ей, – его я люблю, а ту жестокость, что идет к нему в придачу – нет. Как снег не может не сопровождаться холодами, так и Айдар не может не проявлять жестокость. Такова суть его природы».

– Ай, келин, а почему чай еще не готов? – раздался за спиной недовольный голос свекрови, а следом на кухне появилась и сама Зуура – грузная женщина небольшого роста с колючим взглядом маленьких темных глаз. Оплывшее лицо, изрезанное морщинами, будто утекало вниз, придавая ей сходство с бульдогом. Каныкей искренне не понимала, как у столь непривлекательной женщины мог родиться такой красавец, как Айдар.

Ее муж был очень хорош собой: большие, жгуче-чер-

ные глаза под густыми бровями, орлиный нос, мужественный подбородок с легкой щетиной, придававшей ему особую притягательность... Да и Чингиз, братишка мужа, тоже был наделен весьма приятной наружностью. Видимо, внешностью братья пошли в отца, который умер, когда они были еще совсем малы.

Вместе со свекровью в кухню ворвалась аура недоброжелательности, а невидимые волны раздражения, исходившие от нее, заставили даже часы на стене отсчитывать время более тихо и осторожно. Каныкей разом ощутила дискомфорт и по привычке втянула голову в плечи, ожидая порцию очередной словесной экзекуции.

– Эх, учу тебя, учу, а толку нет, такая же нерасторопная осталась, какой и была! – ворчала тем временем свекровь, со стуком расставляя посуду на столе. – Стыдно за тебя перед родственниками. Ни одно дело добросовестно выполнить не можешь. Неумеха ты, а краснею за тебя я, потому что люди думают, что это я ничему тебя не научила, матери-то у тебя нет! А вот Жанара, невестка наших соседей, она молодец. Быстрая, ловкая, улыбчивая, работа в руках горит – одно удовольствие за ней наблюдать! А ты... Пока другие келинки кучу дел переделают, ты только проснуться успеваешь. И лицо это твое вечно хмурое и недовольное...

С такой тирады начиналось почти каждое утро Каныкей. Свекровь стабильно была ею недовольна. Готовишь невкусно, убираешься долго и недостаточно чисто, нормально гла-

дить не умеешь, перед гостями всегда позоришь. Плохая мать, плохая жена, плохая келин... Проходилась Зуура и по внешности: и как мой красавец сын мог взять в жены такую худую, коротконогую и некрасивую девушку, когда за ним бегали девочки одна красивее другой? Ладно бы еще улыбочивая была – вечно лицо «кирпичом», хотя живешь на всем готовом, в доме со всеми условиями, чего тебе не хватает?

При этом на рукоприкладства сына свекровь смотрела сквозь пальцы – бьет, значит, за дело. Воспитывать непослушную жену кулаком – это тоже часть традиций. Поэтому и сама не гнушалась поднять руку на келин – однажды оттаскала неумеху за волосы из-за того, что та подавала гостям чай левой рукой⁴. Причем происходило это все в соседней комнате: гости самого представления не видели, но зато с жадностью ловили каждый звук. К слову, никто за бедняжку не заступился, посчитав этот конфликт внутрисемейным делом.

Под сварливую песню свекрови Каныкей принялась за домашние дела. Дни ее ничем не отличались один от другого, этакий нескончаемый «день сурка»: ранний подъем, проводы мужа на работу, приготовление завтрака для тех, кто остался дома – свекрови, кайни⁵, себя и дочки, – мытье посуды, уборка большого двухэтажного дома, стирка, глажка

⁴ Подавать чай гостям левой рукой у восточных народов считается неуважением.

⁵ Кайни – младший брат мужа (кырг.)

белья, в теплое время года – садово-огородные работы, приготовление обеда, ужина, встреча гостей (к ним часто с приглашением и без навевались родственники), время с дочкой – и так до позднего вечера. Айдар часто возвращался с работы ближе к полуночи и Каныкей ждала его, чтобы покормить ужином, помыть посуду и только потом отправиться спать. Ей никто не помогал по дому и ближе к ночи женщина буквально валилась с ног от усталости.

Иногда Каныкей казалось, что она застряла во временной петле, где каждый акт её жизни был бесконечным повторением предыдущего, играющим по кругу в театре будней. Время тянулось медленно, словно капли густого айрана⁶, стекающие по стенке банки, и каждая капля была идентична следующей – настолько скучна и однообразна была ее жизнь. Даже ночные сны, которым положено быть яркими и красочными, переплетались с однообразной реальностью, словно старый невнятный фильм, который она когда-то уже видела.

Каныкей взвалила и несла на своих хрупких плечах весь быт, но Зууре было не угодить.

– На работу не ходишь, живешь на всем готовом: стиральная машина, пылесос, вода в доме – все у тебя есть! И все равно вечно всем недовольна. Во времена моей молодости мы воду с речки носили, разводили огонь, стирали вещи вручную, полоскали белье в холодной воде – зимой, на моро-

⁶ Айран – кисломолочный продукт, разновидность кефира.

зе, еду готовили на костре и ничего, никто не умер! Наоборот здоровее нынешней молодежи были. Эх, избаловал тебя мой сын, надо было держать тебя в черном теле, не покупать всю эту технику, посмотрела бы я на тебя! Страдалица ты наша бедная!

Канькей старалась пропускать едкие слова мимо ушей, но временами ее захлестывала такая дикая злоба, такая черная ненависть, что она представляла, как набрасывается на кай-нене, валит ее на пол, садится сверху и с наслаждением бьет по бульдожьему лицу, наблюдая, как кулаки медленно окрашиваются в алый цвет...

Но следом пугливо отгоняла эти мысли прочь. Попробуй она что-то сделать с Зуурой, можно сразу прощаться с жизнью. Айдар ее заживо закопает.

Чтобы немного отдохнуть от придирок сварливой свекрови, она ушла в спальню. Войдя в комнату, присела на кровать и стянув с головы платок, взглянула в зеркало. Холодная стеклянная гладь отразила хрупкую темноволосую женщину с привлекательным, но усталым лицом. В больших медово-карих глазах уже давно и основательно поселилась грусть, а в уголках рта залегли печальные складки. До замужества она была хороша собой, мужчины так и вились вокруг нее, но ее сердце выбрало Айдара. Он покорило ее своим стальным характером, видной внешностью и абсолютной уверенностью в себе. Ей нравилось наблюдать, с какой завистью смотрят на нее другие девушки, ловить на себе их присталь-

ные, изучающие, а порой и откровенно злобные взгляды: вот, мол, стерва, отхватила себе красавца! Да, Айдар был настоящим подарком судьбы – красивый, обеспеченный мужчина из другой страны. И он взял ее в жены, несмотря на то, что она бедная сирота и несмотря на то, что его семья была категорически против их союза.

Но жизнь в его доме оказалась настолько морально и физически тяжелой, что ее красота померкла. Она сильно похудела, осунулась и превратилась в вечно напряженную, несчастную женщину. Груз тайны, которую она хранила все эти годы, тягостно давил на плечи, медленно изъедал душу, приходил во снах кошмарами разоблачения. Поэтому все, что с ней происходило, она считала в некотором роде расплатой за свой обман. О том, каковы будут последствия, если вдруг все раскроется, женщина боялась даже подумать.

Единственной ее отрадой была 4-летняя дочь Айгерим – темноглазая, светлокожая девочка с задорным характером. Лицом она пошла в отца – мать была уверена, что дочь вырастет такой же красоткой и разобьет не одно мужское сердце. Айдар дочку любил, но мечтал о сыне и Каныкей надеялась, что когда родит ему наследника, все в их жизни наладится.

– Ай, келин, иди ставь чайник, сейчас гости придут! – раздался с кухни громкий клич свекрови, – А потом начинай готовить плов! И оденься попримечнее, чтобы люди не подумали, что мы тебя в черном теле держим.

Каныкей тяжело вздохнула, покрыла голову платком и отправилась на кухню. Гости часто приходили к ним без приглашения и могли сидеть часами, не торопясь уходить домой и обсуждая свежие, как горячие боорсоки⁷, сплетни. И ей приходилось все это время хлопотать на кухне, бесконечно заваривать и подливать им чай, готовить еду, через силу улыбаться и молча выносить все словесные выпады свекрови.

Сегодня в гости пожаловала жена родного брата Зууры – Назгуль, высокая, сухопарая женщина с узким вытянутым лицом и недобрый взглядом, который Каныкей про себя окрестила «змеиным». Приехала она с внуками, что принялись тут же носиться по дому с дикими криками и мигом разбудили Айгерим, которую мать совсем недавно уложила на послеобеденный сон. Однако дочка не расстроилась, а с радостным визгом присоединилась к их веселой компании. Внуки Назгуль часто бывали у них в гостях и Айгерим успела крепко с ними сдружиться.

Свекровь обожала устраивать невестке «публичную порку». Каныкей иногда казалось, что она только за тем и приглашает гостей, чтобы устроить очередной спектакль с унижением. Не стала она отказывать себе в этом удовольствии и сегодня. Как только келин занялась приготовлением угощения для гостей, Зуура принялась методично и с упоением критиковать каждое ее действие.

⁷ Боорсоки – традиционное мучное изделие народов Средней Азии. Это кусочек раскатанного теста или шарики, жаренные в масле.

– Слишком крупно крошишь морковь, делай чуть мельче!

– Шевелись быстрее, а то мы тут все с голоду помрем, покаждемся твоего плова!

– Зачем так много воды наливаешь? Или собралась рисовую кашу готовить?

– Вытри со стола, не видишь, он грязный, перед гостями стыдно! Мы-то уже привыкли, что стол всегда грязный, но вот Назгуль – нет, у нее невестка очень хозяйственная, в отличие от тебя.

– Что сидишь? Чаю нам подлей, во рту пересохло! Или хочешь чтобы я, пожилой человек с больными ногами, сама гостям прислуживала, когда у меня келин для этого есть?

– Почему чай холодный? Кто такой чай гостям подает? Что ж ты так позоришь меня перед людьми?

– А лицо почему такое кислое, как будто курута⁸ объелась?

Канькей сталкивалась с терроризмом свекрови сотни раз, но так и не смогла выработать в себе иммунитета к обидным словам. От окриков и тычков Зууры она терялась и вела себя, как испуганная лошадь, допуская одну оплошность за другой, чем вызывала еще более бурную агрессию со стороны свекрови. Вот и сейчас, подготавливая стол к подаче плова, она задела пиалу с чаем, стоящую на краю стола. Та со зво-

⁸ Курут – сушеный кисломолочный продукт из перебродившего молока. Нечто среднее между соленым сушеным творогом и твердым сыром в форме шариков разной величины.

ном упала на пол и разлетелась на мелкие кусочки. Реакция Зууры не заставила себя долго ждать:

– Давай, разбей тут все! – заорала она, брызжа слюной. – Всю посуду побей, не на твои же деньги куплено, поэтому не ценишь! Мало того, что мы тебя без приданого взяли, так ты еще все наше имущество испортить хочешь. Учю тебя всему, а толку нет, какой криворукой неумехой была, такой и осталась! Только можешь меня перед родственниками позорить. Пропавшая ты, и как только мой сын мог на тебе жениться? Начитала ты на него, небось, приворожила! Ух, ведьма! – Зуура потрясла массивным кулаком перед лицом невестки, которая сидя на корточках и едва сдерживая слезы, собирала осколки в пакет, и повернулась к Назгуль:

– Вот что за келин, а? Ругаю ее, нет бы попросить прощения: Апа⁹, простите, больше так не буду – она молчит и характер мне показывает! За столько лет так и не нашла ко мне подход. Вечно всем недовольна, никогда не улыбается, не благодарит, хотя мы ее практически с улицы взяли, обогрели, дали семью и дом, относимся как к дочери – скажи, чего ей не хватает? Если бы не Айдар, кто бы ее такую замуж взял? Без роду, без племени, мать, небось, родила без мужа, вот и бросила в детдоме!

– Да, не повезло тебе, Зуура, с невесткой, – дождавшись, когда Каныкей выйдет из кухни, глубокомысленно изрекла Назгуль. – Она должна быть благодарна за то, что в такую

⁹ Апа – мама, мать, мать мужа (кырг.)

уважаемую семью попала, в ноги вам кланяться... Айдар красавец, полностью ее обеспечивает, дом – полная чаша, на работу ходить не надо, да на ее месте любая мечтала бы оказаться!

– Не говори, но вот не ценит же она всего этого! Когда сын ее только привел, она ничего делать не умела – ни готовить, ни гладить, ни гостей встречать. Обычаев и традиций наших не знала. Конечно, в детдомах-то этому не учат. О, Кудай¹⁰, как я краснела за нее перед гостями! Вспоминать больно... Всему ее терпеливо обучала. Шесть лет прошло, а хорошей келин она так и не стала. Чуть свободная минутка, так в телефон свой сразу лезет, кино смотрит, а потом не успевает ничего по дому. Лениивая, – Зуура махнула рукой и умолкла.

– Я тебе так скажу: слова тут мало помогут, таких женщин бить надо, иначе они на голову сядут. Вон моя келин: один раз на меня голос повысила, так сын ее тут же поколотил. Сразу шелковая стала! Ходит за мной: апа, апа, чуть ли не ноги целует. Современных невесток кулаком надо воспитывать, а то этот их феминизм жизнь всем портит!

– Так Айдар воспитывает ее иногда, да толку мало, – устало отозвалась Зуура. – Ничем ее не проймешь, никак не научим ее быть благодарной, относиться к нам теплее. Собака бродячая и то благодарнее будет. Сыну постоянно твержу: да разведись ты с ней, выгони из дома, неизвестно, какие дети

¹⁰ О, Кудай – О, Боже (кырг.)

от нее рождаются! Нет, говорит, буду с ней жить. Приворожила она его, точно тебе говорю! Иначе как объяснить, что мой красавец сын живет с такой дурнушкой. Посмотри на нее!

– Все возможно, – согласилась Назгуль, – я одну бабушку знаю, можно показать ей фотографию Айдара и она по ней определит, есть ли приворот на твоём сыне....

Дальше Каныкей уже не слушала. Разговор двух женщин был отлично слышен в прихожей, куда она вынесла пакет с осколками и принялась сортировать мусор. Покончив с этим занятием, она убежала в свою комнату, где дала волю душившим ее слезам. Горькие, беззвучные рыдания сотрясали ее хрупкое тело и она в который раз с щемящей болью в сердце подумала, насколько одинока. Она была одинока в браке, у нее не было родных, подруг, близких людей, кому можно было позвонить и пожаловаться, попросить защиты. Айдар отдал ее на съедение своей родне и отступил в сторонку, никогда не заступаясь за супругу и не поддерживая. Да что там защита, он сам регулярно ее обижал!

Первые годы замужества были невероятно счастливыми, муж ее любил, баловал, они часто выбирались куда-то вместе, обнимались и гуляли допоздна, а потом карета превратилась в тыкву, а принц – в чудовище. Их любовь, которая когда-то была пылким огнем, превратилась в угли, теплые, все еще тлеющие, но увы, уже без пламени. Одиночество в браке – это, пожалуй, самое худшее, что может в нем быть, когда душа кричит от холода и отчаяния, но стены обыден-

ности заглушают ее вопли.

«Здесь не будет хэппи-энда, – вдруг с ужасающей ясностью осознала она, – чудовище не превратится обратно в прекрасного принца, из осколков не склеить цельную семейную чашу. Я не молодею, у меня нет времени на себя, в один прекрасный день Айдар влюбится в девушку помоложе и укажет мне на дверь, а Айгерим оставит себе. Что же мне делать?»

Тщательно умывшись и подкрасив покрасневшие глаза, она спустилась к гостям. Ничто в облике не выдавало того, что она горестно рыдала всего несколько минут назад. Каныкей решила не доставлять этого удовольствия свекрови – слезы невестки только раззадоривали Зууру, она, как истинный садист, получала от этого еще большее удовольствие. Молча выслушав упреки свекрови за свое исчезновение, покорно собрала вещи Айгерим, которую Зуура решила отправить с ночевкой к Назгуль, и вернулась к нескончаемому конвейеру домашних дел.

Айдар в этот вечер вернулся на удивление рано. Как только он вошел, Каныкей поняла: что-то случилось. Ее сердце мгновенно перешло на быстрый ритм и забилось в груди испуганной, трепещущей птицей. А что если... он узнал?

Муж пребывал в нервном возбуждении, глаза его сияли странным огнем, а пальцы нетерпеливо отбивали барабанную дробь по кухонному столу, пока супруга быстро разогревала ужин. Мыслями он находился где-то совсем далеко, за пределами их кухни и дома, поэтому не стал по обыкно-

вению распекать жену за нерасторопность.

– Позови маму, – внезапно прервал он молчание, – и присядь. Есть важный разговор.

Душа женщины встрепенулась и ухнула куда-то в пятки.

Когда Зуура и Каныкей расположились за столом, выжидательно глядя на него – мать внимательно, а жена испуганно, – он пристально посмотрел на супругу, словно гадая, как она отреагирует, а затем заявил:

– Я беру вторую жену.

Глава 2. Точка невозврата

Канькей показалось, что она ослышалась. Она привсталала, а потом снова медленно опустилась на стул. Нет, она видит сон, иначе как объяснить то, что сообщил минуту назад муж?

– Что? Что ты сказал? – изумленно переспросила она.

– Ты что глухая? Вторую жену он берет! – вмешалась свекровь. – Сынок, это радостная весть для нашей семьи, пусть все получится! Алла ыраазы болсун¹¹. Я очень-очень рада за тебя. Ты мне чай сегодня нальешь? – тут же взвилась она на невестку.

– Какую вторую жену? Айдар, ты шутишь? А как же я? А как же Айгерим? Что все это значит, объясни мне, пожалуйста! – Канькей со стуком поставила пиалу на стол и умоляюще взглянула в глаза мужу.

– У меня будет вторая жена, – выделяя каждое слово, будто объясняя что-то несмышленому ребенку, спокойно произнес тот, – шариат разрешает иметь несколько жен, ты же помнишь? Я достаточно обеспечен и могу себе это позволить. Ты не переживай, с тобой я не разведусь, ты будешь дальше жить в этом доме с Айгерим и я буду по-прежнему вас полностью обеспечивать.

– Какая вторая жена? – продолжала лепетать ошарашен-

¹¹ Алла ыраазы болсун – Пусть Аллах будет доволен (кырг.)

ная Каныкей. – Мы ведь с тобой женаты. Мы законные супруги! Что за бред ты несешь?

– За языком следи, – грубо прервал ее супруг, – никто тебя из дома не выгоняет, живи тут, присматривай за мамой, а я буду жить с Нурайым в другом месте. Неделю с ней, неделю тут с вами...

– Какая к черту Нурайым! – Каныкей вскочила, дрожащий голос сорвался на крик. Ее губы побледнели, худенькое тело тряслось, а в глазах полыхала злость. – Значит, пока я здесь прислуживаю твоей семье, пашу как проклятая целыми днями, ты за моей спиной шашни крутишь? Вторая жена, шарият! – зло передразнила она. – А ты забыл, что по шарияту ты обязан прежде спросить свою жену! Взять мое согласие! Так вот: я против! Ты слышишь, против! Я твоя законная жена, я! А не какая-то там проשמандовка! Вторая жена... Любовница она самая обычная, а не вторая жена!

– Закрой свой поганый рот! – грозно окрикнул женщину муж и стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнула и зазвенела посуда, а Каныкей вздрогнула и осеклась. – Не смей со мной так разговаривать! Я не обязан просить у тебя разрешения, ишь чего захотела! Я кормилец этой семьи и мне решать, сколько жен у меня будет! Две, три, а может и все четыре! Это во-первых. А во-вторых, разве ты родила мне сына, как я просил? Ты родила девочку. Де-во-чку. А мне нужен наследник! Сын! Я хочу сына, понимаешь, тупая ты голова?

– Сколько ты с ней? – тихо спросила Каныкей. Она стояла, опершись руками на стол, из глаз медленно струились слезы. «Какая же она жалкая! – раздраженно подумал Айдар. – Хмурая, вечно чем-то озабоченная, какая-то блеклая вся. Где та яркая, задорная девушка, на которой я женился? И кто эта грустная женщина с коровьим взглядом?»

– Нисколько, – ответил на ее вопрос, – Она девушка порядочная, верующая, из уважаемой семьи. Между нами ничего нет, если тебя это успокоит. На днях сделаем нике.

– Пожалуйста, – беспомощно прошептала Каныкей, подавшись к нему и схватив за руку, которую он тут же отнял, а следом и отодвинулся сам, – прошу тебя, умоляю, подумай о нас, о дочери! Я же... я же люблю тебя! Мы все еще можем исправить...

– Нет, – жестко ответил Айдар, глядя на нее с примесью усталости и отвращения, – как я сказал, так и будет. И не надо вызывать у меня жалость – все равно ничего не добьешься. Я хочу сына, но уже не от тебя.

Каныкей медленно опустилась на стул, закрыла лицо руками и разрыдалась.

– Столько лет... Столько лет я посвятила твоей семье, – сквозь рыдания произнесла она, – терпела, прощала, надеялась, что все наладится... А ты... А ты... За моей спиной...

– Хватит ныть! – строго оборвала ее Зуура. – Мой сын прав, тебя никто не выгонит из этого дома, в твоей жизни ничего не поменяется. По исламу он имеет на это полное пра-

во, тем более, ты не родила ему сына, как он просил. Не переживай, Айдар с женой жить с нами не будут, мы для них подготовили квартиру...

– Что? Мы... квартиру? – Каныкей подняла заплаканное лицо и с ненавистью посмотрела на свекровь. – То есть, вы знали? Знали о том, что Айдар берет вторую жену и не сказали мне?

– И что ты на меня так смотришь? – Зуура встала и грозно нависла над невесткой. – Да, мы знали! И что? Айдару нужен сын, которого ты ему родить не можешь. И потом ты жетим¹², безродная детдомовская сирота, неизвестно, кем были твои родители! Может, алкаши какие-то, воры или убийцы. Какую наследственность ты передашь нашему внуку? А Нурайым из хорошей, уважаемой семьи, красивая, статная девушка, у них с Айдаром родятся прекрасные дети. Она придет в дом мужа с богатым приданым, в отличие от тебя. Напомни, с чем ты пришла к нам? С парой носков и зубной щеткой? Без жер төшөков¹³, одежды, золота и посуды – без ничего! Решение нашей семьей уже принято и тебе его не изменить. Или может хочешь развода? Хорошо, а ты подумала, куда пойдешь? У тебя же никого нет! Айгерим, конечно же, останется с нами, потому что у тебя ни жилья, ни работы, ни родных. Поэтому в этой ситуации тебе не остается ничего, кроме как закрыть свой рот, смириться с решением

¹² Жетим – сирота (кырг.)

¹³ Жер төшөк – постель, одеяло (кырг.)

твоего мужа и жить дальше. Терпеть и молчать! Уж такова наша женская доля! А если будешь выступать тут и качать права, мы тебя быстро на улицу выставим. С пустыми руками пришла, с пустыми и уйдешь!

Канькей молча слушала свекровь, опустив взгляд, плечи ее подрагивали как при сильном ознобе. Дослушав гневную речь Зууры, она будто очнулась и резким движением вскочила на ноги.

– Как же я вас ненавижу! Не-на-вижу! Как же я хочу, чтобы вы все сдохли! Все! Вся ваша мерзкая семейка! Просто сгнули, вымерли, подохли, как бешеные собаки! – пронзительно закричала она, переводя безумный взгляд со свекрови на мужа и тыча в них пальцем.

В мгновение ока Айдар оказался подле нее и наотмашь ударил по лицу.

– Заткнись! Закрой свой грязный рот! Иначе я так тебя отделаю, что ходить не сможешь!

Канькей отлетела к стене, больно ударилась затылком, сползла на пол и стала тихонько всхлипывать. Айдар, сжав кулаки, стремительно направился к ней, собираясь продолжить воспитательный процесс, но в последнюю минуту передумал.

– Не хочу пачкаться об тебя в такой радостный для меня день, – прошипел он, повернулся и вышел из кухни, хлопнув дверью.

Зуура равнодушно взглянула на плачущую невестку и ти-

хо произнесла:

– Говорила же тебе: держи язык за зубами! Эх...

И махнув рукой, тоже покинула поле боя.

После ее ухода Каныкей поднялась, стянула с головы сбившийся набок платок и устало опустилась на стул. Несколько минут она безучастно смотрела в окно, а затем встала, прошла в прихожую, надела первую попавшуюся куртку и вышла в стылую январскую ночь.

* * *

– И что собираешься делать? – подлив Каныкей горячего чаю, спросила Бермет.

Они сидели на ее кухне, обсуждая шокирующий поступок Айдара. Бема жила одна в съемной квартире. Каныкей, выйдя из дома, поймала такси и направилась напрямик к подруге в надежде, что та приютит ее на одну ночь. Дома после того, что произошло, она оставаться не могла – Айдар был ей противен, а Зуура и подавно. Бермет, увидев на пороге зареванную подругу с покрасневшей от удара щекой, поняла все без слов. Она крепко ее обняла, выслушала бессвязную речь, перемежающуюся с рыданиями, усадила за стол, налила горячего чаю и вытащив из холодильника замороженное куриное филе, велела приложить к щеке.

– Я и не знаю, когда все это началось, – всхлипывая, произнесла Каныкей, – когда наша счастливая семейная жизнь

полетела к чертям... В тот день, когда он впервые поднял на меня руку? Нет. Потом все было хорошо. Он попросил прощения и мы были счастливы. Последний год все стало очень плохо: он стал придираться по мелочам, избивать, поздно возвращаться... Я-то, дура, думала, он много работает, старается для семьи, а он, оказывается, проводил все это время с другой. Говорит, что ничего между ними не было, врет ведь, врет! Я весь этот год чувствовала, что что-то не так...

Бермет внимательно, не перебивая, слушала подругу. Иногда возможность выговориться – лучшее лекарство.

– Айдар сказал, что они будут жить в новой квартире. Я-то думала они ее для Чингиза купили, что он женится и поселится там. Как лохушка последняя убиралась там, драила полы и окна. Оказывается, для Нурайым старалась, – Каныкей невесело рассмеялась. – Интересно, как выглядит эта стерва? Где он мог ее встретить? Кайнене сказала, что она очень красивая. Красивее меня, – грустно добавила она.

– Это она сейчас красивая, посмотрю я на нее после нескольких лет брака, – Бема злорадно усмехнулась. – С твоей змеей-свекровью долго в красотках не походишь. Зуура, знаешь ли, как дементор из Гарри Поттера, но тот, что пожирает не хорошее настроение, а женскую красоту. Где Айдар мог встретить Нурайым? Да где угодно. На работе, на улице, в кафе, а быть может, это родители их свели.

– Значит, я как была прислугой, так ею и останусь, а Нурайым будет жить отдельно от свекровки. Хорошо устрои-

лась, сучка! Айдар сказал, что будет жить неделю с ней, неделю со мной – врет ведь. Оставит меня на съедение кайнжурт, а сам с молодой женой будет. А если эта стерва еще и сына родит...

– Ну и прекрасно, пусть рождает! Может, тогда и отпустят тебя, на развод сможешь подать и на алименты. Заживешь!

Каныкей горестно покачала головой.

– Ты не знаешь Айдара. Он Айгерим не отдаст ни при каком раскладе. Он любит ее, хоть и сына хотел. И сказал мне, что никогда не позволит ей видеть мать с другими мужчинами. Я, по его мнению, сразу после развода ударюсь во все тяжкие...

– Кстати, насчет того, что ты не родила ему сына – бред полнейший. Ученые давно доказали, что пол ребенка зависит от мужчины. Так и скажи ему в следующий раз и научные исследования покажи!

Но Каныкей уже не слышала, мыслями она была в далеком прошлом. Как же прекрасно все у них с Айдаром начиналось! Ее любил самый красивый мужчина на планете. Она была уверена, что обрела не просто супруга, а соратника, друга, защитника и, что самое важное – семью, которую можно было назвать своей. Семейю, которой у нее не было. Так надеялась стать для Зууры дочерью. Какой же наивной душой она была!

– Мы ведь так любили друг друга... Куда все это делось? Черная дыра рутины поглотила всю нежность и теплоту, ко-

торые были между нами. Когда началась эта черная полоса? Хотя... Я знаю, когда все полетело к чертям, – подумав, продолжила Каныкей, – когда у него новый друг появился – Данчик. С его появлением и начались гулянки, ночные клубы, алкоголь. Конечно, этот Данчик же холостой, вот и Айдар рядом с ним почувствовал себя свободным. Это он во всем виноват! Стал таскать его по клубам, где куча распущенных девок, ну Айдар и не устоял.

– Может хватить уже оправдывать своего козла? Сколько можно? – не выдержала Бермет, вмиг растеряв все спокойствие, с коим слушала подругу. – Данчик какой-то виноват, что твой муж начал тебе изменять. Что за бред ты несешь? Это был целиком и полностью его выбор. Причем осознанный выбор. Кобель он у тебя и никакие Данчики тут не виноваты!

– Это он во всем виноват, точно тебе говорю! – с жаром принялась убеждать ее Каныкей. – Всегда же так: стоит женатому мужчине связаться с холостяком, и он тоже начинает чувствовать себя свободным. Видимо, Данчик знакомился с девчонками и Айдару их подсовывал, чтобы вместе развлекаться. А один раз знаешь, что он учудил?

– И что же? – насмешливо поинтересовалась Бермет. Ее раздражала святая наивность подруги и ее желание оправдать своего неверного мужа. – Направил на твоего муженька пистолет и заставил лечь в постель с падшей женщиной?

– Да нет же! – отмахнулась Каныкей, игнорируя сарказм

подруги. – Как-то мы со свекровью и Айгерим уехали в гости с ночевкой, а Айдар с этим другом своим посиделки у нас дома организовали. Вернувшись на следующий день, я обнаружила дома следы женского присутствия. Айдар объяснил это тем, что к Данчику приезжали девчонки, посидели чуток и уехали. Ничего, мол, между ними не было. Айдар за всю нашу семейную жизнь ни разу так не поступал, это Данчик так плохо на него влияет!

– Подожди, то есть, ты сейчас пытаешься всю вину за поступок своего муженька на его друга свалить, правильно я тебя понимаю? – начала закипать Бермет. – Накинул, значит, на Айдара аркан и потащил развлекаться. Заставлял его, бил, угрожал. И бедному Айдару пришлось подчиниться. Что за чушь, ты себя со стороны послушай! То, что твой муж натворил – это целиком и полностью его инициатива и не нужно искать ему оправдание. Чем раньше ты поймешь, какой он на самом деле ужасный человек, тем легче тебе будет от него уйти! И пусть потом берет себе сколько угодно жен, да хоть десять!

– Столько лет... Столько лет я отдала его семье и вот какова его благодарность. Быстренько променял меня на какую-то Нурайым. За что? За что мне это? – вновь затянула свою жалобную песнь Канькей. А затем бросила на стол подтаявшее куриное филе и прижав ледяные руки к лицу, принялась раскачиваться на стуле. По щекам ее побежали дорожки слез.

– Я тебе сколько раз говорила: уходи ты от него! Но сначала подготовь почву, найди работу, накопи денег и беги без оглядки.

– Да думаешь у меня было время на работу? – Каныкей отняла руки от опухшего лица и зло взглянула на подругу. – Я же пахала с утра до ночи! С первого же дня замужества: принеси-подай, убери, постирай, приготовь. Дом этот огромный кайнене требовала убирать почти каждый день, видите ли, мы не любим, когда грязно! Даже чаю без меня попить не могли: ай, келин, ставь чайник! И так по 5-6 раз в день. Гости эти нескончаемые, да еще и с детьми своими, только приберусь, все разбросают, везде намусорят... Им чай надо давать, едой потчевать и сидеть на кухне, пока они не соизволят уйти. Убирать потом все после них, мыть. Огород еще, мне же никто с ним не помогал – сама сажала, поливала, собирала урожай. Вдобавок ко всему, ребенок у меня плаксивый, с рук почти не слезал. Кайнене чуть-чуть понянчится и отдает мне, ой спина болит, ой руки болят, да и вообще это твой ребенок, сама и смотри. Айдару вечно некогда, он с ребенком не помогал от слова совсем! Вот рассказываю сейчас тебе все это и удивляюсь, в каком аду, оказывается, живу. Я и забыла, когда всласть высыпалась в последний раз. А насчет того, чтобы убежать – Айдар меня просто так не отпустит, ты же знаешь, – грустно добавила она, – либо терплю, либо у меня отнимут дочь.

– М-да, даже не знаю, что и посоветовать... В моем случае

было проще. Не было детей и слава Богу. Обошлось практически без последствий. Но замуж я больше ни-ни. С нашим менталитетом уж лучше прожить жизнь одной.

– Я у тебя переночую и завтра вернусь домой, – после долгого молчания обреченно произнесла Каныкей, – приму его вторую жену и вытерплю все. Ради Айгерим я готова на все. Моя жизнь отравлена насквозь, но я не позволю им отравить жизнь моей дочери. Она должна быть рядом с матерью! Она не будет расти такой же сиротой, как я!

– Да, подруга, все же трусиха ты, а не боец! Тебе просто нравится быть жертвой. Ты даже не хочешь попытаться что-то изменить. Можно найти пару часов на работу, да хоть по ночам! Зато когда предстанешь перед судом, у тебя будет работа, и дочка сможет остаться с тобой! А насчет того, что дядя у Айдара влиятельный, я ж тебе говорю, можно создать общественный резонанс, трубить об этой несправедливости во всех соцсетях, уверена, дядя не захочет порочить себе репутацию и Айгерим отдадут тебе. Почему ты даже не хочешь попытаться? Если ты рискнешь и получится, ты станешь счастливой, понимаешь? Ты станешь хозяйкой своей жизни, устроишься на работу, отдашь дочку в садик и заживешь! Никто не будет шпынять, унижать и видеть в тебе прислугу. И ты обязательно встретишь достойного мужчину.

– Да нет, Бермет, не надо мне всего этого. Я не смогу, не смогу пойти против них. Они меня сломают, уничтожат и запретят видеться с дочкой. А я не представляю своей жизни

без нее... У тебя пока нет детей, поэтому ты не понимаешь, как страшно в одночасье потерять собственного ребенка. А именно это и произойдет, если я пойду против Айдара. Ничего не выйдет. Да, я трусиха... За эти шесть лет они убили во мне личность, растоптали гордость и уничтожили чувство собственного достоинства. Я слишком слаба и растоптана, чтобы противостоять им...

– Окей, а ты о психике дочки подумала? – Бермет швырнула филе в морозильник, сложила грязную посуду в раковину и стала энергично ее мыть. – Каково ей видеть, как унижают и бьют ее мать, каково ей быть свидетелем каждодневных скандалов? Каким человеком она вырастет? Такой же забитой, как и ты? Сколько травм вы ей нанесете своими скандалами?

– Айгерим нужен отец. Какой бы он ни был. Можно я спать лягу? Устала очень, – Канькей умоляюще посмотрела на Бермет, призывая ее прекратить этот неприятный разговор. На нее от пережитого стресса вдруг напала такая сонливость, такая смертельная усталость, что она еле ворочала языком.

– Хорошо, – сжалилась та, – пойдем постелю тебе на диване.

* * *

Канькей проснулась от сильной головной боли. Голова

болела так, что казалось вот-вот разойдется по швам. Открыв глаза, она не сразу поняла, где находится, но спустя несколько секунд память с безжалостной ясностью вернула ее в события вчерашнего дня. Она взглянула на большие настенные часы: 9 утра.

– Боже, проспала! – Каныкей резко соскочила с постели, от чего в глазах разом потемнело, а земля на миг ушла из-под ног, – Айдар, наверное, ищет меня, сердится... Что я ему скажу?

Она принялась искать свой телефон, но потом вспомнила, что ушла из дома без ничего. Пройдясь по квартире подружки, поняла, что осталась одна – Бермет отправилась на работу. Случайно взглянув в зеркало, она ужаснулась своему отражению: на нее смотрела растрепанная женщина с покрасневшими глазами, искусанными в кровь губами и вспухшей за ночь гематомой под правым глазом. Но приводить себя в порядок не было времени. Было даже страшно подумать о том, как встретит ее Айдар и как отреагирует на подобный бунт. У него сегодня выходной и он, наверняка, ждет ее дома, закипая от злости.

Схватив второй комплект ключей и деньги на такси, которые Бема заботливо оставила для нее на тумбочке, она поспешно оделась, нацепила солнцезащитные очки подружки и покинула квартиру.

По дороге домой Каныкей думала о том, что скажет мужу и как себя будет вести. Первым делом извинится за свое вче-

рашнее поведение перед свекровью и мужем, покорно выслушает все упреки и оскорбления, стиснув зубы, стерпит возможные побои, а затем скажет, что не имеет ничего против его второй жены. Но он должен пообещать ей, что будет по-прежнему обеспечивать ее и дочку.

Она усмехнулась. Муж никогда не обеспечивал ее всем необходимым. Дочке он покупал все, что требовалось в ее возрасте, а когда дело касалось жены, то считал каждую потраченную копейку, хотя был человеком довольно обеспеченным – у его семьи был прибыльный бизнес, большой двухэтажный дом в одном из хороших районов Бишкека, двухкомнатная квартира в центре и дорогой автомобиль. Каныкей не помнила, когда в последний раз покупала себе новую одежду и косметику, не говоря уже о маникюре и покраске волос. Айдар выделял деньги только на продукты, которые затем поступали на учет к свекрови и распределялись ею. Первое время Каныкей еще упрашивала мужа купить ей новые вещи, но с годами после постоянных упреков и фраз «Зачем тебе? Ты же все равно дома сидишь!», отказалась от этой затеи. Ходила она в той одежде, что муж покупал ей в первые годы замужества. Например, сейчас она была в куртке, которой было более 4-х лет, и эта модель уже давным-давно вышла из моды.

«Неряшливая, неухоженная домохозяйка, постоянно пахнущая кухней – вот кто я! Понятное дело, что Айдар стал заглядываться на молодых девчонок с маникюром, наращен-

ными ресницами и волосами, модно одетых, благоухающих духами, а не едой. И появилась у него Нурайым...».

Чтобы хоть как-то отвлечься от тревожных мыслей, беспокойным червем грызущих душу, она взяла у водителя телефон и набрав номер Назгуль, попросила передать трубку дочери. Дети играли в какую-то настольную игру и Айгерим не терпелось продолжить, поэтому она быстро поздоровалась с матерью и убежала по своим детским делам.

Подъезжая к дому, Каныкей сильно волновалась. Сердце неистово билось, грозясь выпрыгнуть из груди, в горле пересохло, а живот скрутило так, что стало трудно дышать. Что она скажет Айдару в свое оправдание? Как он отреагирует на то, что она не ночевала дома? Такого прежде не случалось. Будет кричать на нее? Набросится с кулаками? А если выгонит из дома?

Когда она протянула водителю деньги, руки ее дрожали так, что тот оглянулся и удивленно воззрился на нее.

– У вас все хорошо? – вежливо осведомился он

– А? Да, все хорошо – мыслями Каныкей уже была внутри дома, поэтому не сразу поняла водителя. Она выскочила из машины и медленно пошла к дому.

Шаг. Еще один. Вот она входит в ворота и направляется к входной двери, слыша яростный стук своего сердца и мысленно моля Айдара быть немного мягче к ней.

Войдя в дом, Каныкей поразилась царящей в нем тишине. Обычно в дневное время здесь всегда монотонно пел те-

левизор – Зуура не могла жить без его постоянного фонового звучания, – не было слышно и ее шаркающих шагов. Не доносилось ни звука и со второго этажа. Видимо, Айдар куда-то уехал, Чингиз отправился в тренажерный зал, а све-кровь ушла в гости или поехала на базар. Казнь отсрочена. Можно выдохнуть и подготовить внятную оправдательную речь к их приходу.

Каныкей облегченно вздохнула, сняла солнцезащитные очки, куртку, сбросила обувь и направилась на кухню. Но войдя в нее, остолбенела от представшей взору жуткой картины.

Айдар лежал лицом к кухонной двери, навалившись грудью на стол и неловко подложив под голову правую руку. Поза его была странной, нелепой, совсем не похожей на положение задремавшего человека. Пальцы судорожно скрючены, а лицо, искаженное гримасой боли, покрыто багровыми пятнами. Но самыми неестественными и страшными были глаза: широко открытые, стеклянные и совершенно безжизненные. Чай в его кружке давно остыл и подернулся мутной пленкой.

В нос ударил горьковатый миндальный запах, словно подтверждение того, что происходящее ей не снится – ведь во сне запахов не бывает.

– Айдар! – крикнула Каныкей и не узнала собственный голос, он показался ей тоненьким и чужим, словно кто-то другой прокричал за ее спиной. Она безотчетно оглянулась

и не увидев никого в дверях кухни, подскочила к мужу и стала трясти его за плечо, приговаривая «Айдар, пожалуйста, очнись! Ну же, очнись! Пожалуйста!», надеясь, что сейчас произойдет чудо и муж очнется, посмеется и скажет, что решил подшутить над ней. Другой рукой она прикоснулась к его щеке и пальцы ее вместо привычной теплоты человеческого тела ощутили могильный холод...

Каныкей никогда не прикасалась к мертвецам, но в долю секунды осознала, что ее муж мертв. Пронзительный крик огласил своды дома. Не переставая кричать от страха и ужасающего осознания, женщина помчалась на второй этаж – в комнату свекрови. Рывком открыв дверь, она влетела в помещение и увидела Зууру, преспокойно лежащую на кровати лицом к стене. В нос ударил неприятный кисловатый запах с отчетливыми миндальными нотками, и сердце мгновенно сжалось от недоброго предчувствия. Не переставая звать свекровь, Каныкей подбежала к ней и резко дернула за плечо. Зуура безвольно перевернулась на спину и уставилась в потолок немигающим взглядом, в котором не было никаких признаков жизни. Подушка ее и постель были запачканы подсохшими рвотными массами.

– Апа! – ошеломленно воскликнула Каныкей и прикрыла рот рукой, сдерживая рвущийся наружу крик, затем стала медленно пятиться назад, пока не уперлась спиной в стену.

«Боже, неужели это происходит на самом деле, со мной? Они умерли... Оба... От чего? Что с ними случилось? – в

голове роем кружились мысли. – Как хорошо, что я Айгерим вчера отправила к Назгуль... Они видимо чем-то отравились. А может, их можно еще спасти? Может они еще живы?»

Она подскочила к прикроватной тумбочке свекрови, схватила ее телефон и стараясь не смотреть в сторону мертвой Зууры, стала лихорадочно вводить пароль, попутно вспоминая номер скорой: 102 или 103? И только когда телефон завибрировал в третий раз, вновь отказав ей в доступе, она поняла, что пытается ввести на смартфоне свекрови пароль от своего телефона. А пароль Зууры она знать не знает. Вернув гаджет на место, она помчалась в их с мужем комнату и принялась искать свой телефон. Но его нигде не было. Каныкей лихорадочно перерыла постель, залезла под кровать и даже зачем-то заглянула в шкаф, хотя смартфон там отродясь не хранился. Тщетно. Она выскочила из комнаты, намереваясь поискать телефон внизу и вздрогнула от неожиданности, услышав, как хлопнула входная дверь. Следом раздался громкий голос:

– Зуура, Каныкей, вы дома?

Каныкей узнала голос Чынтемира – родного брата свекрови. Она ненавидела его всей душой за скверный и придирчивый характер, но сейчас была рада его появлению, как никогда.

– Дядя! – заорала она и стремительно бросилась вниз по лестнице, – Дядя! Помогите! Апа и Айдар... С ними что-то

случилось! Они... – и умолкла, не зная как сказать дяде, что его сестра и племянник, кажется, мертвы.

Увидев заплаканное лицо и перепуганный вид невестки, Чынтемир быстро направился к ней, забыв разуться и снять пуховик.

– Где они? Что случилось? – заорал он.

– На кухне. Айдар... – она замолчала и не в силах продолжить, просто указала пальцем в нужную сторону. Мужчина бросился на кухню.

– Айдар! – раздался оттуда его крик и следом разом наступила тишина. Не переставая всхлипывать, Каныкей бессильно опустилась на первую ступеньку лестницы, решив держаться подальше от кухни. Ее била мелкая дрожь, а перед глазами стоял отчетливый образ мертвого мужа с искаженным от предсмертных страданий лицом.

– Он мертв, – раздался из кухни голос Чынтемира, а следом появился и он сам, – а Зуура где?

Каныкей поразилась его спокойствию – дядя выглядел так, будто каждый день обнаруживал в чужих кухнях мертвецов и посему это стало для него обыденным явлением. Но затем она вспомнила, что он много лет проработал в правоохранительных органах, а значит, повидал на своем веку немало трупов.

– Апа... у себя, – хриплым голосом произнесла она.

Не сказав ни слова, Чынтемир стремительно проскочил мимо Каныкей, взбежал по лестнице и скрылся в комнате

Зууры. Судя по последовавшему молчанию, скорая помощь свекрови уже не требовалась. Каныкей с содроганием вспомнила ощущение неестественного холода под пальцами, когда она схватила свекровь за плечо. «Холодный, как мертвец» – вспомнилась ей услышанная где-то фраза.

– Чингиз! – выйдя из комнаты Зууры, крикнул дядя и направился в комнату своего младшего племянника.

Каныкей похолодела. Впав в состояние шока от увиденного, она совсем позабыла про братишку мужа. «Боже мой! А если... и он тоже?» и следом вновь порадовалась тому, что дочери нет дома. Не обнаружив Чингиза в его комнате, Чынтемир принялся тут же ему звонить.

– Алло, ты где? Все в порядке с тобой? Чувствуешь себя как? – моментально засыпал он вопросами племянника, как только тот ответил на звонок. – Да нормально все, давай домой по быстрому, важный разговор есть, – и отключился, оставив Чингиза в полном недоумении.

Следом он набрал 102 и коротко описав положение дел, вызвал оперативную группу. Затем спустился по лестнице и остановился напротив Каныкей. Она подняла голову, скользнула взглядом по худой, изможденной фигуре (желчнокаменная болезнь год за годом, словно иссушала его тело), желчному лицу и, замирая от страха, посмотрела в глаза. Узкие, глубоко посаженные глаза Чынтемира смотрели холодно и жестко, не предвещая ничего хорошего.

– Что вы вчера ели на ужин? И почему с тобой ничего не

случилось? – резким тоном спросил он.

Канькей растерялась.

– Я... не знаю, мы... мы с Айдаром поссорились еще до ужина, я ушла из дома и ночевала у подруги, – запинаясь, начала оправдываться она. – Я вернулась сегодня, минут за 15 до вашего прихода и нашла их. Айдар... он... он, – она закрыла лицо руками и расплакалась.

– Из-за чего вы поссорились? – безжалостно продолжил Чынтемир, не обращая внимания на слезы невестки.

– Он сказал, что берет вторую жену, – размазывая слезы по лицу тыльной стороной ладони, ответила Канькей, – я была в шоке, начала возмущаться, но он... он ударил меня. Все-все, оказывается, знали про Нурайым, кроме меня. И апа, и кайни...

– Во сколько ты ушла из дома? – грубо перебил ее дядя.

– Я не знаю, я не смотрела на часы, не до того мне было. Я была в шоковом состоянии... Наверное, часов в 7-8 вечера. А от чего они умерли, дядя?

– Это ты мне скажи! – внезапно повысил голос Чынтемир. Канькей вздрогнула и испуганно воззрилась на него, разом перестав плакать. – Вчера Айдар сообщает тебе про вторую жену, вы ссоритесь и в ту же ночь он умирает. И его мать почему-то тоже. Совпадение? Я так не думаю! Что ты им подсыпала, тварь? – он стремительно наклонился к сидящей на ступеньке невестке, схватил ее за горло, вынуждая подняться и следом резко припечатал к стене, гулко стукнув голо-

вой. Совсем рядом оказались его темно-карие глаза, в которых кипела ненависть.

– Чем ты отравила их, собака безродная? – заорал он, дыхнув на нее отвратительным табачно-чесночным амбре. Каныкей стало дурно, она непроизвольно дернулась и Чынтемир сильнее сжал ее горло. – Подсыпала им какую-то отраву, потом отправилась ночевать к подруге, чтобы обеспечить себе алиби и теперь спектакль тут разыгрываешь?

Его жестокие слова медленно втекали в сознание, пробиваясь сквозь пелену шока и отрицания, и их смысл дошел до Каныкей не сразу, а когда она поняла, в чем ее обвиняют, ее разом окатило холодной волной ужаса.

– Это не я, клянусь Богом! – сдавленным голосом произнесла она, обеими руками схватив мужчину за кисть и пытаюсь ослабить его железную хватку.

В кармане Чынтемира зазвонил телефон. Он отпустил руку, и Каныкей закашлявшись, медленно сползла вниз по стенке, словно подтаявшее желе.

– Сиди тут! – жестко велел мужчина. – Скоро приедет опергруппа, сегодня же сделаем вскрытие и если, не дай Бог, в их организме обнаружится яд, тебе конец. Ты сядешь. Надолго сядешь. Это я тебе гарантирую.

С этими словами он взбежал вверх по лестнице и скрылся за дверью комнаты Чингиза.

Каныкей обмякшим мешком осталась сидеть на полу. Мысли беспокойной вереницей крутились в затуманенной

голове: «Он думает, что я их отравила. Он что с ума сошел? Чем я могла их отравить? Я же не сумасшедшая, чтобы убивать отца своего ребенка! Может, они просто что-то не то съели, когда я ушла?»

При этой мысли Каныкей вскочила и преодолевая страх, направилась на кухню. Прикрыв лицо рукой так, чтобы не видеть мертвого мужа, она прошла мимо него к холодильнику, намереваясь изучить его содержимое. Но тут ее внимание привлек предмет, блеснувший на полу. Она наклонилась и подняла его. Это была тоненькая серебряная цепочка с небольшим кулоном в форме самолетика. Каныкей машинально сунула ее в карман брюк. Сейчас было важнее другое.

В холодильнике не оказалось ничего подозрительного. Вчерашний плов, который ели все – и она сама, и Назгуль с внуками, и Чингиз – яйца, сыр, бутылка кымыза¹⁴, молоко... Никаких консерваций, маринадов, рыбы – ничего, что могло бы спровоцировать сильнейшее пищевое отравление.

Хотя... Стоп.

Неясная мысль, которая пришла в голову Каныкей в первый же миг, когда она увидела мертвого Айдара, внезапно предстала перед ней с ужасающей ясностью.

¹⁴ Кымыз (кумыс) – кисломолочный напиток, изготавливаемый из молока кобылы.

Глава 3. Жертва обстоятельств

Не может пищевое отравление выглядеть так! Не может. Пищевое отравление иногда приводит к смерти, но это, как правило, не происходит мгновенно. Почему никто из них не позвонил в скорую? Зуура всегда внимательно и, можно даже сказать, слегка фанатично следила за своим здоровьем – у нее была своя медсестра, которая то и дело колола ей какие-то препараты, витамины и ставила капельницы, в холодильнике хранился полный арсенал лекарств против, наверное, всех болезней мира, она при каждом мало-мальски опасном на ее взгляд недомогании сразу была во все колокола и принималась звонить в скорую. Ну не могла свекровь спокойно лежать и ждать, что пройдет само по себе, не таким она была человеком – значит, просто не успела. И Айдар не успел. Они умерли слишком быстро, возможно, даже не успев ничего осознать.

Каныкей вспомнила отрывок из криминальной хроники, под которую любила засыпать. Человек умирает мгновенно только от отравления ядами! Если это было обычное отравление, Зуура непременно вызвала бы скорую при первых же симптомах – Каныкей знала это точно.

Муж со свекровью отравлены каким-то ядом! И дядя думает, что это дело рук невестки, что узнав о второй жене и впав в ярость, она убила Айдара и Зууру. А сотворив это

злодеяние, спокойно ушла к подруге, чтобы утром вернуться и сделать вид, будто шокирована произошедшим. О, Кудай, ее ведь теперь посадят! На 10 лет, нет, на 20 или сколько там дают особо опасным преступницам? Дядя даже разбираться не станет и просто упрячет ее за решетку. Он ведь так и заявил ей сегодня. Никто не будет искать настоящего убийцу. Зачем, если все можно свалить на нее, беззащитную сироту? Она отправится в тюрьму и больше никогда не увидит дочь – Чынтемир это легко устроит...

Айгерим вырастет сиротой и одноклассники будут гнобить ее, называя дочерью убийцы. И как с таким клеймом на репутации она замуж потом выйдет? Вся ее жизнь будет отравлена. Канькей содрогнулась: она готова вынести что угодно, но только не это.

Решение было принято молниеносно.

Она прислушалась: приглушенный голос Чынтемира доносился со второго этажа, он был занят каким-то серьезным разговором. Недолго думая, Канькей выскочила в прихожую, быстро обулась, схватила куртку, шарф и солнцезащитные очки Бемы, тихонько отворила входную дверь и убежала во двор, поспешно одеваясь на ходу. На ее счастье, окна в комнате Чингиза смотрели на задний двор.

Дверь, чтобы не привлекать внимание дяди подозрительным шумом, она оставила открытой. Страх пронзал каждую ее клетку, сковывал мышцы, но в то же время придавал сил и скорости. Внутренний голос то кричал и паниковал, то бор-

мотал молитвы о спасении, приглушив в ней все чувства, кроме верещавшего на полную громкость инстинкта самосохранения. Каныкей трясло, как осенний лист на ветру, колыхающийся перед неизбежным падением, казалось, что дядя вот-вот выскочит вслед за ней, схватит и грубо потащит в дом. А потом прибудет милиция и ее повезут в СИЗО.

За спиной раздался шум. Каныкей вздрогнула, опасливо оглянулась и облегченно выдохнув, ринулась к воротам. Это был всего лишь соседский кот, бродивший по железной крыше сарая. Порывистый ветер злобно обдал ее лицо морозным дыханием. Тяжёлые, сизые облака нависали над Бишкеком, грозясь осыпать его снежной крупой, забелить улицы, запрятать людей в дома и покрыть все вокруг ледяным одеялом сурового величия. Воздух был холодным и острым, режущим дыхание на короткие, прерывистые всплески.

Каныкей не представляла, куда идти и где прятаться. Свой телефон она так и не нашла, денег с собой не было, а куртка оказалась слишком тонкой для студеной январской погоды. Но ей повезло. У соседского дома стояло такси. Высадив пассажиров, серая «Соната» стала неспешно разворачиваться, намереваясь уехать. Поблагодарив небеса, она подбежала к машине, открыла дверь и резво запрыгнула в теплый, пахнущий кожей и резкими женскими духами салон. После чего боязливо оглянулась и с облегчением убедилась, что погони за ней нет. Пока капризная Фортуна была на ее стороне.

– Байке¹⁵, извините, что ворвалась в вашу машину, но у меня дочка заболела! – сходу придумав причину, умоляющим тоном обратилась к удивленному ее наглостью водителю. И мысленно трижды сплюнула за левое плечо, чтобы ненароком не накликать реальную болезнь на Айгерим. – Пожалуйста, отвезите меня к ней! Я заплачу, сколько скажете...

Водитель оказался приятным, добродушным дядькой, который искренне ей посочувствовал и даже не взял денег, когда они подъехали к месту работы Бермет. Каныкей попросила подождать, пока ее подруга выйдет и расплатится.

– Плохо, когда болеют дети. Беги, доченька, к своему ребенку, денег с тебя я не возьму, мне все равно по пути сюда было, – по-отечески ласково сказал он ей.

Каныкей понимала, что милиция во главе с Чынтемиром первым делом приедет к дому Бемы, а следом и к месту работы подруги, но ей нужны были деньги, чтобы снять где-то жилье и чем-то питаться, пока она будет скрываться. «Скрываться» – женщина перекатила во рту это слово, словно пытаясь распробовать его по-новому, свыкаясь с ним, как с частью своей теперешней жизни. Раньше она слышала его только в фильмах, но если в мире больших экранов оно имело оттенок приключения, звучало как вызов, как приглашение к просмотру захватывающих кадров, то в реальности было чем-то гораздо большим и жутким. Оно означало, что Каны-

¹⁵ Байке – почтительное отношение к старшему, дядя (кырг.)

кей стала преступницей.

Сколько времени она сможет продолжать эту игру в прятки с судьбой? Как долго у нее получится уклоняться от цепких рук правосудия? Ответы на эти вопросы она откладывала в сторону, подобно ненужным вещам, не желая вглядываться в их мрачные глубины. Одно знала точно – все это делается ради дочери. Еще вчера Каныкей ощущала себя забитой, не способной на смелые поступки домохозяйкой, но когда дело коснулось благополучия Айгерим, ее малютки, ее крови и плоти, она словно обнаружила в себе потаенный запас храбрости, резервный аккумулятор сил и энергии, и не была намерена сдаваться.

Бермет работала в банке, где всегда полным-полно людей, а Каныкей очень не хотелось, чтобы ее тут видели. Ее появление в солнцезащитных очках непременно привлечет всеобщее внимание. Какой дурак, вернее, дура, додумается зайти в помещение, да еще и зимой, в темных очках? А если снять их, будет только хуже – посетители банка начнут пялиться на фингал и обязательно запомнят его обладательницу. Поэтому она попросила у проходящей мимо девушки телефон, набрала номер Бемы, не забыв похвалить себя за хорошую память, и позвала подругу на улицу.

Бермет появилась спустя долгих 15 минут, которые показались Каныкей вечностью. Она все это время заметно нервничала, то и дело оглядывалась по сторонам, вздрагивала от громких звуков, чем успела привлечь к себе внимание двух

женщин, стоящих в очереди к банкомату – они принялись с любопытством ее разглядывать. Ей пришлось повернуться к ним спиной и дьявольским усилием заставить себя успокоиться. Она не может себя так глупо выдать – слишком многое поставлено на карту.

– Каныкей? Что случилось? – раздался за спиной голос подруги. Она выбежала на улицу без шапки в накинutom поверх теплого брючного костюма светлом пальто. Платиновые волосы были уложены красивыми волнами, лоб скрывала стильная косая челка, которая очень ей шла.

Бермет не была красавицей в истинном понимании этого слова, однако, умела выгодно подчеркнуть черты удачным макияжем, а вкупе с точеной фигурой и женственностью, сквозившей в каждом ее движении, могла сойти за очень привлекательную особу. Каныкей порой ловила себя на мысли, что завидует подруге. Но сейчас ей было не до оценки внешнего вида Бемы. Она схватила подругу за руку и увела подальше от толпившихся у банкомата людей. Так, чтобы не было слышно, о чем они говорят.

– Бема, я в беде! – с отчаянием проговорила она, когда они отошли на безопасное расстояние. – Я сегодня вернулась домой и нашла Айдара и кайнене мертвыми. Их кто-то отравил...

– Что? Мертвыми?! – заорала Бермет, но тут же спохватилась и прикрыла рот рукой. Осторожно посмотрела по сторонам, чтобы убедиться, не услышал ли кто, и продолжила

уже тише. – Кто их отравил? Чем? За что? Когда?

– Да не знаю я! Но дядя уверен, что это сделала я. Он чуть не задушил меня, кричал, что посадит надолго. Пока он по телефону с кем-то разговаривал, я тихонько собралась и сбежала... Но у меня нет денег, мне некуда пойти, да еще и телефон куда-то подевался – нигде его не нашла. Меня ищут... Мне нужна твоя помощь, Бема!

– Он обвинил тебя? – округлила глаза Бермет. – Но... это сделала... не ты, так ведь?

– Ты что с ума сошла? – возмутилась Каныкей, – Зачем мне было их убивать? Я же сказала тебе вчера, что приму все их условия ради дочери! Если меня посадят, Айгерим останется сиротой – зачем бы я на это пошла?

– Ну да, логично. Извини, я просто хотела убедиться, что это не ты...

– Мне нужны деньги, Бема, чтобы где-то спрятаться, – перебила ее Каныкей, нервно оглядываясь, ей казалось, что милиция уже совсем близко. – Дай мне займы, сколько сможешь, пожалуйста! Я верну, как смогу! Мне больше не к кому обратиться, сама знаешь.

– Я-то займу, но куда ты пойдешь? Где будешь скрываться? Ты ведь не сможешь делать это вечно, – Бермет нахмурилась. – Подожди... Ты сказала, что их отравили. Чем?

– Не знаю, но кайнене даже не успела в скорую позвонить, а с учетом того, что у нее была вечная паранойя на тему здоровья – значит, она умерла слишком быстро. И дядя тоже

неладное заподозрил, раз начал сразу искать виноватых. Значит, это какой-то яд, Бема, яд! Мышьяк или что-то еще...

– Но ведь надо же как-то доказывать свою невиновность, а не сбегать и прятаться! Давай подумаем, кто мог это сделать и за что...

– Нет, Бема, ты не понимаешь! Дядя открытым текстом обвинил меня, сказал, что они сделают сегодня вскрытие, и если отравление подтвердится – он меня посадит! Он же меня ненавидит! Сколько раз говорил Айдару, что я ему не пара, что у меня плохая наследственность, что я дочь алкашей. Никто за меня не заступится, никто, понимаешь? Меня посадят на лет 15-20 точно... Нет, уж лучше я где-нибудь спрячусь, я что-нибудь придумаю, ради дочери я буду сильной! А насчет того, кто их отравил – я не знаю, кто и зачем это сделал. Не знаю! – последние слова Каныкей почти выкрикнула, она была близка к истерике.

– Тсс, давай не будем привлекать к себе внимания, хорошо? – Бема взяла ее ледяные руки в свои. – Ко мне ты пойти не можешь, сама понимаешь, там тебя сразу найдут. Давай подумаем, что можно сделать...

Она на минуту задумалась, а затем обрадованно воскликнула:

– Ты можешь пойти к одной моей знакомой! Я ей помогла недавно с отсрочкой по кредиту и она была мне очень благодарна, настоятельно просила обращаться к ней в случае чего. У нее тебя никто искать не станет, и ты сможешь пересидеть

там пока... Пока мы что-нибудь не придумаем.

– Спасибо тебе, Бема, спасибо просто огромное! Как хорошо, что ты у меня есть! – Каныкей прослезилась и с благодарностью сжала руку подруги.

– Не спеши благодарить, надо еще с ней договориться. На, держи пока тысячу, – она вытащила из кармана пальто хрустящую купюру. – Я сейчас схожу за телефоном и кошельком, договорюсь со своей знакомой и дам тебе еще 5 тысяч сомов. Больше дать не смогу, прости, я на мели.

– Да мне этого хватит на первое время, а потом я что-нибудь придумаю! Спасибо, Бем!

Бермет вернулась в банк, оставив Каныкей в плену беспокойных мыслей. Она лихорадочно искала выход из запутанной ситуации. Что люди делают в таких случаях? Как спасаются? Знакомая Бемы может и согласится приютить ее, ну а дальше что? А если откажет? А если сдаст милиции? Мозг обдумывал разные варианты событий, но непрошеными гостями в голову приходили лишь образы киногероев, чьи истории неизменно оканчивались хэппи-эндом. Эти выдуманные сюжеты резко контрастировали с ее суровой реальностью, в которой исход был далеко не так очевиден.

Тяжкие размышления прервал громкий гудок патрульной машины, приближавшейся к банку. Грозный, требовательный сигнал прозвучал как приговор, который не оставлял выбора. Каныкей обмерла от страха, а потом неуклюже заметалась, не зная куда бежать. Ткнулась было в банк, но по-

думав, что там ее уж точно схватят, развернулась и быстрым шагом пошла в сторону оживленного проспекта, надеясь затеряться в толпе. Отойдя на некоторое расстояние, она обернулась и увидела, что патрульная машина остановилась у здания банка, выпустив наружу двух мужчин в форме.

Промозглый ветер тем временем все крепчал, науськивая небо обрушить свою зимнюю ярость на землю и вот уже, словно повинувшись его увещеваниям, с небес стали падать первые снежинки. Каныкей плотнее запахнула воротник куртки и поправила сбившийся с головы теплый шарф. Ее знобило – то ли от холода, то ли от страха, а может, и от всего сразу. Пока она раздумывала, что же делать дальше, рядом остановилась маршрутка, из которой стали выходить люди. Недолго думая, она ворвалась в теплое лоно микроавтобуса и с мимолетным удовольствием обнаружив, что он полупустой, прошла в самый конец и села на свободное сиденье.

Солнцезащитные очки мигом запотели и, убедившись, что никто не обращает на нее внимания, Каныкей сняла их и протерла концом шарфа. Взглянув в их отражение, она обнаружила, что отек под глазом спал – спасибо куриному филе! – но зато на этом месте теперь красовался уродливый багровый фингал. Она вновь водрузила очки на нос и погрузилась в невеселые думы.

«Поеду-ка в микрорайоны, там никто из родственников и знакомых не живет, и меня, скорее всего, не станут искать

в той части города. О, Кудай, помоги мне, пошли спасение! Не ради себя прошу, а ради дочери!» – мысленно взмолилась Канькей. Никто из людей не мог сейчас ей помочь, поэтому она уповала только на Бога.

Убедившись, что маршрутку не преследует патрульная машина, она немного успокоилась и откинулась на жесткую спинку сиденья.

– Кто же это сделал и зачем? – в сотый раз задала себе один и тот же вопрос. Отравление, как часто говорили в криминальных хрониках на YouTube, – чаще всего женский способ убийства. Неужели это сделала женщина? Но кто? И за что? Очевидно, это было сделано после ее ухода, вечером или ночью – Айдар и Зуура были слишком холодны... или умершие люди сразу остывают? Канькей этого не знала. Может это сделала еще одна обиженная Айдаром женщина? А Зууру убрали как свидетеля? Если это так, то что такого страшного он сотворил, что она решилась на убийство? И неужели на свете есть женщина, которую Айдар сумел обидеть сильнее, чем собственную жену? Канькей горько усмехнулась. Все щедрые порции унижения и ругани, приправляемые побоями, доставались только ей...

Что же ей делать? Органы, наверняка, уже объявили ее в розыск и сейчас рыщут по всем знакомым и родственникам. Боже мой, Айгерим... Ее маленькая, сладкая доченька. Когда теперь они увидятся? При мысли о дочери слезы, которые она так старательно сдерживала, хлынули из глаз. А

следом пришло запоздалое осознание того, что Айдара больше нет. Спасаясь от мести Чынтемира и гнева правосудия, думая о собственном спасении и судьбе дочери, она как-то умудрилась позабыть о том, что мужчина, которого она любила, мертв. Что мужчина, с которым она прожила шесть лет, моментами радостных, местами горестных и несчастных, убит чьей-то безжалостной рукой на собственной кухне. Любимое лицо изуродовано маской смерти, а красивые глаза распахнуты навстречу вечности....

Айдара больше нет. А она лишена даже возможности проводить его в последний путь.

Во что в один миг превратилась ее жизнь? Ее размеренная, спокойная жизнь, где дни были так удивительно похожи друг на друга. Где она была обычной домохозяйкой, да пусть и несчастной (но какая замужняя женщина, живущая со свекровью, может назвать себя счастливой?), ласковой мамой и хорошей женой. Ее привычное существование в один миг превратилось в дымящиеся руины. Все, что казалось вечным, неизменным и стабильным, сгорело дотла, оставив после себя лишь тлеющие обломки прошлого. И в один миг ничем не примечательная домохозяйка стала преступницей, которую разыскивает милиция.

А Айдара больше нет...

Канькей стала вспоминать счастливые моменты их супружества, прикосновения его рук, его объятия, его смех, и ее захлестнуло невыносимой горечью утраты. Душа кричала от

отчаяния, мечтая развернуть время вспять, вернуть те мимолетные мгновения, когда они были счастливы, желая отменить его неожиданную и такую раннюю смерть. Душевная боль казалась настолько нестерпимой, что отвернувшись к окну, она затряслась в беззвучных рыданиях. Очки пришлось снять. Невидящим взглядом смотрела она в запотевшее окно, а сердце ее исходило болью.

Маршрутка тем временем прибыла в южные микрорайоны. Каныкей утерла слезы шарфом, нацепила очки и сошла на остановке. На улице вовсю шел снег, ветер вдоволь порезвившись, утих и увел за собой пронизывающий холод.

Каныкей прошла мимо будки с фастфудом, окутанной облаком восхитительных запахов, и только сейчас поняла, что дико голодна. Но купить себе еды не могла, на те деньги, что дала ей Бермет, она решила снять квартиру на сутки. Шататься по улицам и дворам, привлекая к себе внимание, ей не хотелось. Цен на посуточные квартиры она не знала, но полагала, что тысячи сомов ей хватит. Вот только незадача – где найти людей-то, что квартиру ей сдадут? Телефона у нее нет, а стучаться в двери и спрашивать – как-то боязно.

Войдя во двор четырехэтажного дома 104-й серии, она уселась на скамейку, предварительно смахнув с нее рукавом снег и стала обдумывать свои дальнейшие действия. Из открытой форточки квартиры на первом этаже доносились умопомрачительные запахи и аппетитное шкворчание масла – кто-то жарил картошку. Каныкей сглотнула и поспешила

к соседнему подъезду – когда так вкусно пахнет, ни о чем кроме еды думать просто невозможно.

Соседняя лавочка оказалась уже занята школьником лет 14-15, который с энтузиазмом гонял на телефоне в танчики.

«И чего ему дома не сидится в такую погоду?» – подумала Каныкей, присаживаясь на другой конец холодной скамьи. Немного подумав, все же решила его расспросить.

– Мальчик, – обратилась она к подростку. Тот нехотя оторвался от экрана телефона и воззрился на нее с некоторым раздражением за то, что так бесцеремонно оторвала его от игры, – ты не знаешь, кто-нибудь в этом доме не сдает квартиру посуточно?

Подросток на секунду задумался:

– Ммм, не знаю... Кажется, нет, – и снова нетерпеливо вернулся к боям, разворачивающимся на экране.

Каныкей встала, собираясь попытать удачу в другом месте, как вдруг школьник, не отрывая взгляда от телефона, сказал:

– Роза апа с нашего подъезда сдает. Но не квартиру, а комнату. У нее двушка и в одну комнату она пускает людей за деньги. Мужчины у нее останавливаются иногда, но, в основном, женщины...

Каныкей обрадовалась, вот же повезло!

– А в какой квартире она живет?

Роза апа открыла дверь после первого же звонка, словно поджидала гостью за дверью. Это была энергичная, поджа-

рая женщина с короткими волосами, полностью выбеленными сединой.

– Да, комната как раз свободна. Ты с кем? Одна? В командировку что ли приехала? Нет? А с какой целью? – стала бомбардировать она вопросами Каныкей, подслеповато щурясь и разглядывая ее с головы до ног. – Я почему спрашиваю-то? Мне тут мошенницы и девицы легкого поведения не нужны. Я живу одна, но сын у меня бизнесмен, крутая шишка, если кто что-то со мной сделает, он быстро их найдет и накажет! Паспорт есть у тебя?

На этом вопросе Каныкей впала в ступор. Паспорт она в спешке оставила дома, не до того ведь было! И как теперь быть? Не ночевать же на улице в такой холод! Она подумала и решилась.

– Роза апа, меня муж избил и из дома выгнал, – она сняла очки и наклонилась к лицу пожилой женщины, чтобы та смогла разглядеть фингал. Слезы снова полились из ее глаз. – Без телефона, без паспорта, в зимний холод! А мне пойти некуда, сирота я... Впустите меня, пожалуйста, на одну ночь!

– Ладно, входи, – сжалилась женщина и посторонилась, пропуская Каныкей в квартиру. Квартирка оказалась маленькой, чистенькой, с «бабушкиным» ремонтом (видимо, сын у хозяйки пока что не слишком успешный бизнесмен) и старой, выдавшей виды мебелью. Однако, после снегопада на улице, здесь было по-особенному уютно и тепло.

– Деньги-то хоть есть у тебя? Я людей бесплатно не впус-

каю, – будто оправдываясь, пояснила Роза апа.

– А за сколько вы комнату на сутки сдадите? У меня всего 1000 сом в кармане.

– За столько и сдаю, – заметно обрадовалась пожилая женщина. – Ну, доченька, проходи, покажу тебе твою комнату.

Комната оказалась небольшой, заставленной мебелью, но по-своему милой. Каныкей показалось, будто она попала в прошлое – такой здесь царил «советский» антураж. На стене висел тот самый красный ковер из детства, разложенный диван был застелен цветастым покрывалом, а в углу примостился трельяж времен СССР с невысокой тумбочкой, на которой выстроились ряды каких-то баночек и склянок. Завершал обстановку старинный шифоньер цвета темного дерева.

Время здесь будто остановило свой бег, казалось, что на дворе не технологичный и беспокойный 2023-й, а винтажные 90-е. И Каныкей не 32, а снова 7, скоро вернется с работы ее мама, снимет и повесит на крючок свою модную болоньевую курточку, они поужинают вкуснейшей каттамой¹⁶, включают магнитофон и будут хором напевать уже знакомые наизусть песни. А потом она заберется под стеганое одеяло, набитое овечьей шерстью, и заснет крепким, беззаботным сном, в котором не будет смертей, преследования и животного страха...

– Сейчас дам тебе чистое постельное белье, – раздался за спиной голос хозяйки, оторвав Каныкей от мыслей о счаст-

¹⁶ Каттама – слоенная лепешка из восточной кухни.

ливом детстве, – но сначала дай мне себя сфотографировать, я сыну твое фото отправлю на всякий случай. Я человек пожилой, вдруг ты меня по голове чем-нибудь ударишь, забереешь мой телевизор и сбежишь. Я же тебя не знаю и паспорта у тебя нет!

Канькей нехотя вернулась в полное невзгод настоящее. К горлу при мысли о маме подступил комок, в глазах защипало.

– Конечно, апа, фотографируйте, – согласилась она, молясь про себя, чтобы сын этой милой бабушки не оказался связан с органами или не был знакомым дяди ее мужа.

Роза апа тем временем надел очки и смешно отставив вперед руку с телефоном, чтобы лучше видеть экран, пару раз щелкнула камерой и удовлетворенно кивнула. Теперь можно не бояться за телевизор. А затем спохватилась:

– Ой, доченька, а ты хоть что-нибудь ела сегодня? Замерзла наверное, смотри вон на улице что творится!

Канькей хотела было отказать, но при мысли о еде, у нее начало отчаянно сосать под ложечкой, а живот предательски заурчал.

– Я не ела ничего с утра, – призналась она, стгорая от стыда. Денег у нее не было, а напрашиваться на обед к незнакомой женщине было жутко неудобно.

– Айи, байкушум десе¹⁷, пойдём на кухню, накормлю тебя и лицо твое полечим заодно. Смотри, худая какая – кожа

¹⁷ Айи, байкушум десе – Ай, бедняжка (кырг.)

да кости, несладко, видимо, с мужем жилось! – с этими словами сердобольная женщина провела ее на кухню, усадила за стол и стала хлопотать у плиты. Кухня тоже являла собой отголосок советского прошлого: голубая тумбочка с двумя створками и выдвигаемым ящичком сверху, маленькие кухонные шкафчики со стеклянными дверцами, за которыми выстроилась рядами такая же старинная посуда, холодильник «Бирюса», стол и две деревянные табуретки.

Первым делом хозяйка разлила по пиалам горячий, свежезаваренный чай. Следом на столе появилось дымящееся блюдо с наваристым говяжьим шорпо¹⁸, в котором виднелись аппетитные куски мяса и две картофелины. К шорпо прилагались румяные самсы с кусочками курицы и мелко порубленным, сочным луком. Каныкей с жадностью набросилась на еду, ей казалось, что она никогда не ела ничего вкуснее. Были позабыты на время все невзгоды, Айдар, убийство, побег – была только божественно вкусная еда, горячий чай и уютная кухня, за окном которой лютовал январь и кружились в затейливом танце снежинки...

Пока они пили чай с абрикосовым вареньем и хозяйка колдовала над ее лицом, намазывая на фингал какую-то чудодейственную мазь, Каныкей рассказывала о себе. Пришлось придумывать, изворачиваться и врать, но чего не сделаешь ради спасения! Тем более, для нее это было не впервой: за шесть лет семейной жизни она ни разу не проболта-

¹⁸ Шорпо – мясной бульон (кырг.)

лась, не выдала случайно свою тайну – ни мужу, ни свекрови, ни даже Бермет – что-что а контролировать и отслеживать поток своих слов она умела. Нет, не врала им, а просто утаивала некоторые факты своей биографии – так было нужно. Во имя спасения. Во имя лучшей жизни.

После сытной еды и чая на Каныкей резко напала сонливость. Пережитые ужасы дали о себе знать – организм устал и требовал перезагрузки. Поэтому вымыв посуду и горячо поблагодарив радушную хозяйку за вкусную трапезу, она отправилась спать, пообещав себе подумать обо всем после пробуждения.

Проснулась она далеко за полночь. За окном низко висела луна и было светло от выпавшего снега. Старинный советский будильник показывал два часа ночи. Каныкей тихонько пробралась на кухню – ей жутко хотелось пить, – и стараясь производить как можно меньше шума, заварила себе чай. На цыпочках прошмыгнула в свою комнату, забралась под теплое одеяло и прихлебывая горячий чай, стала думать. После долгого сна нервы ее были уже не столь оголены, и появилась возможность поразмышлять над ситуацией без паники и слез.

Итак, Айдар и Зуура мертвы. По мнению Чынтемира, отравила их Каныкей. А что если дядя ошибся и это обычное пищевое отравление, а она в панике сбежала, выставив себя на посмешище? Нет, быть этого не может. Дядя много лет проработал в милиции, неоднократно сталкивался с

убийствами, ну не мог он обвинить ее на ровном месте! Да и Каныкей не слышала, чтобы люди мгновенно умирали, съев что-то не то. Она содрогнулась, вспомнив вид мертвого мужа.

Если это действительно убийство, в интернете сегодня-завтра должны появиться посты с кричащими заголовками. Новостные паблики всегда оповещают своих подписчиков о подобных случаях. Надо завтра утром попросить у хозяйки телефон и зайти в Instagram. Если она объявлена в розыск, ей конец. Соцсети будут пестрить ее фотографиями, люди будут насыпать на ее голову проклятья, и поимка преступницы для многих из них станет делом чести. Где это видано, чтобы женщина хладнокровно убивала мужа и све-кровь, собственными руками делая дочь сиротой? Удел женщины – сохранять домашний очаг любой ценой, быть, когда нужно, слепой и глухой, терпеть ради детей. Но то, что сотворила эта преступница – немыслимо. А что если кыргызские женщины вдохновятся ее примером и начнут травить своих мужей и кайнжурт? Нет, эта злодейка должна быть наказана по всей строгости закона!

Каныкей словно уже видела гневные комментарии в духе «Посадить на пожизненное!», «Жаль, что в Кыргызстане нет смертной казни!», «Отдать бы ее на растерзание родственникам убитых!», «Она ответит перед Аллахом по всей строгости – если не в этой жизни, то на том свете!».

Нет, если объявят в розыск – ей не спастись. Куда она пой-

дет в такой холод? Где будет скрываться? Как будет доказывать свою невиновность? У нее нет денег даже на еду, не говоря уже об оплате услуг адвоката. Никто ей не поможет. Никто...

Хлипкое спокойствие покинуло ее. Где-то глубоко внутри стал нарастать животный ужас, грудную клетку сдавило так, что стало трудно дышать, тело вмиг ставшее ватным, охватила мелкая дрожь. Воздух внезапно стал густым и тяжелым, хоть ножом режь, и все вокруг вдруг показалось ей нереальным – и советский интерьер Розы, и шифоньер у стены, и даже собственная рука, которая дрожала так, что едва не расплескала чай из кружки, – словно Каныкей пребывала в длительном кошмарном сне. Ее захлестнуло волной паники, а голову заполонили мысли, одна тревожнее другой. На сегодня ночлег обеспечен, но что будет с ней завтра? К Бермет нельзя, попросить помощи не у кого, укрыться негде... Она не сможет долго прятаться. Ее схватят. Что будет с Айгерим?

Вспомнив о дочери, Каныкей взяла себя в руки. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, и уняв разбушевавшуюся тревогу, она прошептала:

– Ради Айгерим я буду сильной. Обещаю. Я просто так не сдамся. Не сейчас.

Она упала на подушку и стала тихонько напевать колыбельную, которую пела ей мама в моменты грусти и слез. Каныкей напевала ее всегда, когда на душе скребли кошки, а жизнь казалась серой и безрадостной. Бесхитростный мотив

песенки уносил мыслями в детство, в светлую беззаботную пору, напоминал о теплых маминых руках и горячей родительской любви. Ритуал не подвел и сегодня: веки отяжелели и она погрузилась в крепкий сон без сновидений.

Проснулась она от дразнящих запахов, доносящихся с кухни. Пахло свежеиспеченным хлебом. Сквозь прозрачный тюль робко пробивалось солнце, за окном шумел город и казалось, что все грустные события остались во вчерашнем дне. Каныкей сладко зевнула, соскочила с дивана, подошла к окну и зажмурилась. Снег, лежащий повсюду – на козырьках подъездов, на ветвях деревьях, на земле – ослепительно сверкал под лучами солнца: девственно-белый, воздушный, еще не успевший подтаять и оскверниться грязью.

– Проснулась? – раздался с кухни бодрый голос хозяйки. – Идем завтракать! Будем пить чай со свежим хлебом и сметаной.

Каныкей улыбнулась и радостно потопала на кухню. Настроение, несмотря на безвыходное положение, было приподнятым.

Но за завтраком случилось то, чего она боялась больше всего.

Каныкей намазывала на горячий хлеб густую сметану, слизывая языком, как в детстве, подтаявшие капли, когда хозяйка, скролившая ленту Instagram, внезапно воскликнула:

– Ты ж смотри, что творится! Очередное убийство, да еще какое!

Сердце Каныкей мгновенно перешло на скоростной ритм. Она хотела что-то сказать, но в горле разом пересохло, а язык будто прилип к небу. Ей казалось, что пожилая женщина слышит громогласные удары ее сердца.

– Молодая женщина убила мужа и свекровь и скрылась с места преступления, – громко зачитала шокирующую новость Роза апа, – милиция разыскивает подозреваемую. Смерть наступила в результате отравления цианистым калием. Вай-вай! Это же какой безжалостной надо быть, чтобы цианидом-то людей травить.

Каныкей мигом потеряла аппетит и отставила нетронутый кусочек хлеба в сторону. Руки ее слегка подрагивали.

– М-да... Бедная женщина, – невпопад ответила она, напряженно глядя в окно, и не решаясь посмотреть в глаза хозяйке квартиры.

Та вдруг замолчала, подняла голову и пристально взглянула на девушку из-под приспущенных на нос очков. Каныкей отвела взгляд от окна, встретилась глазами с пожилой женщиной и все поняла: Роза апа сопоставила факты и заподозрила неладное. Что теперь-то будет? Вызовет милицию? Поднимет крик и позовет соседей? Ударит ее сковородкой, как опасную преступницу?

Но хозяйка квартиры не спешила поднимать крик и бежать к соседям. Хвататься за сковородку тоже не стала. Она долго и внимательно изучала лицо Каныкей, а потом спокойно произнесла:

– Вот что, доченька, сходи-ка ты за молоком. У меня оно вчера закончилось, а так хочется чаю с молочком! Вот, возьми деньги. Магазин здесь за углом, повернешь направо и сразу его увидишь.

Канькей все это время сидевшая как истукан, резко вскочила и со словами «Конечно, Роза апа, сбегаяю», выбежала в прихожую. Надела куртку, обулась, схватила шарф и затворив дверь, ринулась вниз по лестнице. Сюда она больше не вернется. Надо спасаться. Бежать. Правда, не совсем понятен поступок старушки: она осознанно дала ей сбежать или просто хотела проверить? Скорее всего, второе: ведь невиновный человек спокойно ходит за молоком и вернется, а виновный сбежит. Не дождавшись Канькей, женщина точно позвонит в милицию, и Чынтемир тут же примчится сюда на своей машине. Медлить нельзя.

Роза апа тем временем выждав полчаса и не дождавшись возвращения своей гостьи, взяла в руки телефон и набрала 102. Да, ей было жалко девушку – маленькая, тоненькая, беззащитная, да еще и сирота! Но она считала, что как бы ни было плохо и муторно, человек не имеет права отнимать жизнь у другого. А тут и вовсе у двух! Да и способ, смотри, выбрала какой коварный. Яд. Ладно, если бы напала на обидчиков с ножом в состоянии аффекта или защищалась бы, но нет же! Она раздобыла где-то цианид и хладнокровно подсыпала его в еду мужу и свекрови. Нет, такие жестокие люди не должны разгуливать на свободе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.